

В тёмной пещере, куда вёл ответвившийся от линии метро тоннель, замерли две пары светящихся глаз — одна повыше, другая пониже.

Низкорослый присел на корточки, и вскоре что-то зашуршало — звук расползался от него во все стороны.

Спустя недолгое время он произнёс:

— Мои дорогие говорят, что видели людей. Двое: кобыла и пташка.

Высокий презрительно фыркнул:

— Всего двоих инквизиторов послали? И они осмелились преследовать нас прямо до убежища?

— Нет, отряд инквизиторов никогда не бывает меньше трёх, — возразил низкий. — Думаю, они разделились, ещё кто-то идёт следом.

— Так чего же ты не ищешь его? — с раздражением поторопил его высокий.

Низкий на секунду умолк — то ли прислушиваясь, то ли повинувшись приказу.

Через десять секунд он резко вскочил:

— Кобыла — рыцарь крови! От неё жизнь растений не спрячешь, мои дорогие не могут проскочить мимо и разведать дальше... Она идёт прямо сюда!

В тот же миг в их поле зрения ворвалось алое сияние.

Нет, то был не свет, а текучая, сверкающая, чистейшая кровь. Она, словно река, устремилась вперёд, сметая и растворяя на своём пути бесчисленные лозы и деревья, что культисты Девы Серебряной Луны взрастили магией.

Багровый поток заплескался о скалы, возвышавшиеся в проходе, и из него поднялась высокая стройная фигура женщины. Остатки крови превратились в плащ, окутывающий её.

Лошадиные уши дёрнулись, тёмное красивое лицо повернулось к противникам. Из всех семи отверстий её головы валил раскалённый белый пар. Взмахом руки она собрала капли крови в длинный меч, который лёг в её ладонь.

Она определённо уже обнаружила врага.

Высокий воспринял это как вызов. Ненависть между Девой Серебряной Луны и Матерью Первозданной Крови лишила его рассудка. Его мускулы задрожали, и из пор вырвался жёсткий полосатый мех.

В одно мгновение он встал на четвереньки. На месте человека перед рыцарем крови возник огромный тигр с пёстрой шкурой.

— Гр-р-р-р!..

Озверевший тигролюд метнулся вперёд, и в тот миг, когда он прыгнул в воздух, над проходом с хлопком разорвалась ослепляющая осветительная ракета.

Белое пламя прогнало тени. Словно обожжённые, лозы и побеги метнулись обратно во тьму. Но ни озверевший тигролюд, ни мышелюд, которых теперь было хорошо видно, не пострадали — они зажмурились, как только рыцарь вышла из кровавой реки.

Инквизиторы всегда действовали так: один атакует, другой пускает осветительную ракету. Эту тактику элитные бойцы культа Искращения знали назубок.

— Со мной такие трюки не сработают! — взревел тигролюд и, словно мчащийся поезд метро, со всей мощью врезался в рыцаря.

Та, едва открыв глаза после вспышки, не успела поднять меч — и тяжеленное тело с мускулами, крепче стали, отбросило её на десятки метров.

Его когти, блеснувшие в свете, высекли искру по клинку. Чудовищная пёстрая морда, возвышавшаяся над конелюдкой, раскрыла пасть, намереваясь сомкнуть клыки на её шее.

Но тигролюд вцепился зубами лишь в алый плащ.

— Взорвись! — крикнула рыцарь, и кровавый плащ разлетелся у него во рту, рванув похлеще тротила.

Взрывная волна ударила по озверевшему, словно молот по наковальне. Оглушённый, он закашлялся кровью, его зубы вывернулись и поломались, морда порвалась, а из носа хлынули две струи, пропитывая жёлто-чёрный мех.

Рыцарь, перекатившись, оказалась сбоку. Её меч с разворота опустился сверху.

Звяк!

Эхо металла разнеслось по тоннелю, хотя ни кровавый клинок, ни тигриный мех вовсе не были из стали.

Поняв, что не может пробить защиту, она отступила. А тигр, хлестнув хвостом, обернулся к ней — раны в его пасти уже затянулись, зубы выровнялись, всё зажило.

Морда, перепачканная кровью, сделала его ещё свирепей. В глазах озверевшего плясали безумие и жажда убийства.

Угроза была столь явной, что рыцарь не заметила, как позади зацвели уцелевшие лозы. Розовые цветы раскрылись, осыпая пылью.

Аромат расплылся в воздухе. Рыцарь невольно сделала ещё шаг назад, почти войдя в облако.

Мышелюд, всё это время осторожно пятящийся, сдержал дыхание. Он следил и за инквизитором, что запустил ракету и больше не атаковал, и за рыцарем, надеясь, что она войдёт в облако.

Свет от ракеты уже угасал, но жёлтые сгустки пыли всё ещё висели в воздухе.

Он ждал, подрагивая от возбуждения. А затем раздался грохот.

Очередь выстрелов, как гром, прокатилась по тоннелю!

Металлический ураган пуль разорвал облако, а тигролюд, едва рванувшийся вперёд, был подхвачен шквалом снарядов и отброшен назад.

Рыцарь крови, оказавшаяся в зоне пулемётного огня, заранее подготовилась — она рассыпалась в поток живой крови, сквозь который пули проходили без вреда. В тот же миг кровь сменила траекторию и направилась к мышелюду.

Тот не сидел сложа руки: в короткий промежуток времени он успел снова взрастить «дорогих» — на этот раз трёх дриадообразных древолюдов с мощными корнями.

Река крови наткнулась на живой заслон. Древолюды, встав плечом к плечу, переплели ветви, укоренились в почве, свесив вниз густые воздушные корни и вонзив их в землю словно стальные прутья. Алый поток бился в барьер раз за разом, но не мог пробиться к хозяину растений. Когда же рыцарь вновь обрела тело и с мечом прыгнула к мышелюду, тот успел взрастить ещё лоз и чудищ.

Но древесный заслон не устоял перед пулемётным шквалом — стволы разлетались щепками, древолюды ломались пополам.

В этот момент в бой вступила настоящая артиллерия: из темноты выползла механическая паучиха, крупнее даже озверевшего тигролюда. Её прожектор резал мрак, а спаренные турели выпускали потоки свинца. Горячие латунные гильзы продолжали сыпаться на каменный пол, пока стволы не начали дымиться от перегрева.

Из клубов порохового дыма показался до этого прятанный в расщелине озверевший тигролюд. Он злобно скрежетал зубами, но атаковать не решался.

Тут из-за угла вышла вторая артиллерийская паучиха. Когда первая прекратила огонь из-за перегрева, у второй зашумели вращающиеся стволы пулемётов.

Сидя внутри третьей паучихи, Песнетел Алауда наблюдал бой через инфракрасный прицел. Он с разочарованием отметил: тигролюд уже юркнул глубже в пещеру. Ход был слишком узким — паучьей артиллерии туда не пролезть, а дальше видимость перекрывал поворот.

«Жаль», — подумал Песнетел, и тут же заговорил в громкоговоритель колким и насмешливым голосом:

— Посмотрите-ка, какой рассудительный! «Стальной тигр»! Ты что, предал Деву Серебряной Луны?

— «Механический дух», ты, куриная отрыжка! — проревел зверь изнутри пещеры. — Тебя ещё в яйце стоило порубить на корм!

— Ну надо же... Обругали, а он даже не вышел, — с притворной задумчивостью проговорил Песнетел, словно не осознавая смертоносность своих вооружённых пауков. — Может, он и вправду предал Деву Серебряной Луны?

Ответом ему послужили яростные удары когтей по скале — даже снаружи слышался скрежет.

Положение казалось выгодным для инквизиторов, но Песнетел не смел прекращать огонь. Стоило ослабить давление — и «Стальной тигр» вырвется наружу. А с его чудовищной силой разодрать в клочья даже тяжёлого боевого паука было вполне реально.

Такая физическая мощь куда больше соответствовала бы служителю Матери Первозданной Крови, покровительнице плоти и крови; но парадоксально — озверевшие в этом превосходили даже её последователей. Пусть им для подобного требовалось жертвовать рассудком и самоконтролем, результат оставался фактом.

Дева Серебряной Луны хотела подкрепить похоть и завладеть силой репродукции Матери Первозданной Крови, а Мать Первозданной Крови, в свою очередь, хотела завладеть силами Девы Серебряной Луны.

Вражда между двумя богинями отражалась в их последователях — лютая ненависть и бесконечные боины.

Тем временем Ходогора вновь растворилась в реке крови. Пробившись сквозь растения, она загнала мышелюда в угол.

Тот рухнул на землю, опершись на руки и дрожа всем телом.

Волна крови поднялась над ним и обрушилась вниз. Но её брызги, упавшие ему на лицо, вдруг превратились в цветы.

В одно мгновение половина тела пастыря цветов покрылась древесным узором. За его спиной выросли бурые руки и заключили мышелюда в объятия, заслоняя от удара.

Через несколько секунд из окровавленной почвы поднялась корневая дриада. Питаясь силой пастыря цветов, она расправляла своё искажённое тело.

Её волосы были ничем иным, как свисающими корнями, которые бесконечно растворялись в крови и вновь отрастали, жадно впитывая алые потоки. Стоило лишь крови проникнуть в её плоть — и она взрывалась изнутри, разрывая корни на клочья. Но даже их ошметки либо тонули в багровой жиже, либо вновь соединялись, образуя свежие, ещё более прожорливые нити.

Данный монстр являлся порождением культа Искажения, выведенный специально против рыцарей крови.

Вынужденная выйти из жидкой формы, Ходогора отступила, заметно истощённая. Её алый плащ стал короче.

А корневая дриада, напротив, только росла. Мышелюд за её спиной поцеловал её корни и с оскалом взглянул на врага.

Да, создание подобного чудовища требовало платы — его плоти, но деревообращение можно было потом вылечить. А вот славы, что достанется за убийство служителя Матери Первозданной Крови, ничто не заменит.

— Вперёд! — выкрикнул он. — Высоси её досуха!

И сам, прикрываемый дриадой, юркнул в узкий ход.

Уже будучи внутри, он поинтересовался о ходе боя.

Коревая дриада послала в ответ смутное ощущение.

— Она ушла, — говорила та.

Мышелюд озадаченно моргнул. А затем он заметил, что мох под ногами стремительно желтел и сох.

— Мой внутренний эколог уже осуждает меня, — произнёс Линь.

Кандис, стоявшая снаружи ритуального круга, наклонила голову, не понимая, зачем он сказал это после столь долгой подготовки.

Линь ничего не объяснил. В одном углу шестиконечной звезды он положил белую мышку без сознания — и тут же свернул ей шею.

В другом — разбил куриное яйцо.

В третьем — оставил вяленую рыбку.

В четвёртом — только что пойманного и раздавленного муравья.

В пятом — обработанную деревянную палочку, размером с зубочистку, которую он поджёг. Та дотлела, превратившись в лишь щепотку угля.

В шестом углу Линь встал сам и обернулся лицом к кругу.

Он вынул кинжал, повёл им над угольной крошкой и прошептал:

— О, безмолвный Инеевый Звоновран... Собери их жалкие души и даруй им вечный покой, а этот грех возложи на меня. Я объявляю закон смерти, а его объекты — растения.